

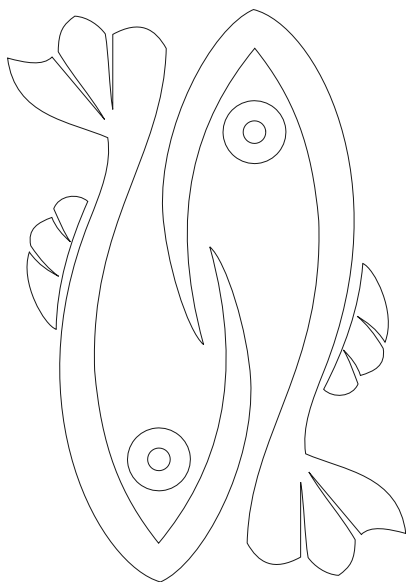
на платформе

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ
ТЕХНОЛОГИИ

letmeprint.ru

ПИСАНИЯ МУЖЕЙ АПОСТОЛЬСКИХ

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 26/28
ББК 86.37
ПЗ4

Составление, предисловие Р. В. Светлова

ПЗ4 Писания мужей апостольских / [сост., предисл. Р. Светлова]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 474 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

Сочинения учеников апостолов, или «мужей апостольских» (90-е годы I века — середина II века) — уникальное свидетельство о жизни первых христиан. В антологию, помимо сочинений «мужей апостольских», среди которых — послания св. Игнатия Богоносца и св. Поликарпа Смирнского, книга «Пастырь» Ерма и др., вошло «Учение двенадцати апостолов», богослужебный текст первых христиан (рубеж I–II вв.). Произведения «мужей апостольских» представлены в классических переводах прот. Петра Преображенского, с вводными статьями и комментариями переводчика.

**УДК 26/28
ББК 86.37**

© Светлов Р. В., составление,
предисловие, 2022

© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

ISBN 978-5-517-07345-7

ВЕК МУЖЕЙ АПОСТОЛЬСКИХ

Сочинения «мужей апостольского века»¹ (или, как называют их на Западе, «апостольских Отцов») имеют ключевое значение для понимания истории ранней христианской литературы. Их создатели не просто были знакомы с апостолами и евангелистами, но учились у них. Жизнь Христа и его современников не была отделена от них многими поколениями, а слова Мессии передавались изустно. Еще не появилась необходимость в экзегетах-толкователях, которые разъясняли бы смысл поучений Христа и евангельских притч. Христианство было совершенно новым общественным институтом — в сравнении с тем окружением, внутри которого оно существовало; ему еще не требовалось такого инструмента для воспроизводства себя, как традиция. История христианской общины лежала прямо перед ее глазами.

Среди верующих наибольшим авторитетом пользовались собрания изречений и поучений Христа, которые долгое время существовали в устной форме, а затем были инкорпорированы в повествования о его деяниях, из которых возникли известные нам Евангелия. На втором месте стояли послания апостолов, а также воспоминания об их жизни и проповеди («Деяния апостолов»).

¹ Впервые сочинения «мужей апостольских» были изданы в качестве отдельного сборника в 1672 г. (издание J. B. Cotelier). В дальнейшем этот сборник дополнялся, пока не приобрел современный вид. Кроме публикуемых в настоящей книге творений «апостольского века», к ним относят сохранившиеся фрагменты из «Толкований слов Господних» Папия Иерапольского.

В большинстве церквей почитался и Ветхий Завет, особенно пророческие книги, в которых видели предсказание Боговоплощения. Впрочем, во многих случаях к иудейскому Писанию относились настороженно — тем более, что единого канона Ветхого Завета еще не было. Должно было пройти время, прежде чем он повсюду станет одной из главных богослужебных книг. Появлялись апокрифы, в том числе еретические, однако настоящий взлет создания апокрифических сочинений придется на II—III века.

Ряды христиан непрерывно росли, изменялся их состав — как национальный, так и сословный. Все большее число неиудеев приходило в христианские общины, среди них были люди состоятельные и даже влиятельные. Христианство постепенно становилось общественной силой и превращалось в особый социальный организм, внутри которого начинала развиваться письменная коммуникация.

Сочинения «мужей апостольских» принадлежат ко второй (вслед за новозаветной) «волне» христианских писаний. Они создавались в период с конца I примерно по середину II века. Само их наличие демонстрирует нам, что контакты между различными частями «тела» христианской общины с самого начала были весьма активны. Рост числа общин делал необходимой эту вторую «волну» писаний, так как без постоянной коммуникации христианство превратилось бы в аморфное явление — как с точки зрения внутренней дисциплины, так и с точки зрения доктрины.

Чтобы понять, что представляло собой христианство времен «мужей апостольских», нужно рассмотреть его место в структуре римского общества и государства. Христианство представляло собой общину — еkkлeзию. Этот факт вызывал настороженность у римских властей. Нужно иметь в виду, что римское государство формально складывалось из множества общин, имевших во времена «века мужей апостольских» (Флавии — ранние Антонины) различные формы гражданского устройства (от общин «римского права» до «завоеванных»). Но все они являлись традиционными

сообществами, живущими по определенным обычаям и поклоняющимися «отеческим богам». Подобные национальные или просто местные культы не преследовались, в свете тогдашних эклектических религиозных воззрений любая традиционная форма богопочитания похвальна, а культы Юпитера, Зевса, Амона и других божеств не противоречат, а дополняют друг друга. Поэтому переселенцы, например, из Сирии или Малой Азии, которых в конце I—II вв. н. э. в Италии в целом и в Риме в частности было достаточно, могли приносить с собой и собственных кумиров, однако простому римлянину перейти в веру Сабазия или Дамасской богини было непросто. Подобный переход подразумевал покидание своей общины, что противоречило основам римского государства. Лишь в том случае, если государь увлекался неким «туземным» божеством — как, например, Варий Авит Бассиан с его сирийским культом Элагабала, — поклонение этому божеству становилось обязанностью всех римлян. В остальных случаях введение новых фигур в число божеств-покровителей Рима (как и любой другой общины, вошедшей в Римское государство) происходило лишь в экстраординарных случаях. В качестве примера можно вспомнить перенесение в Рим святыни малоазийской богини Кибелы, которое случилось во время II Пунической войны и которого предшествовали разного рода знамения.

Распространение верований иных народов могло происходить среди римлян и эллинов и иным путем. Со времен Геродота в Элладе было принято отождествлять чужих богов со своими. В таком случае египетская Исида ассоциировалась с Деметрой, а вавилонский Бел — с Зевсом. В итоге в первые века н. э. появляются религиозные движения, в которых причудливо смешаны восточные, греко-римские мотивы, а также идея спасения. Самые известные из них — культ Исиды и митраизм. Широкое распространение обеих религий (в I—II вв. культа Исиды, позже — митраизма) связано именно с тем, что и та, и другая претендовали на древность и на отсутствие противоречий с традицией.

Римские власти относились к обоим явлениям без лишней подозрительности.

Христианство не могло пойти по этому пути. Оно было новой религией, а в Риме с подозрением относились ко всему новому. Новое не освящено авторитетом предков, не вписывается в юридическую систему; словом, новое — фантом, нечто чуждое естественному ходу вещей. Определение «новый» обычно имело уничижительный характер. В Империи запрещалось большинство новосозданных товариществ (гетерий). Впервые меры против них принимались еще во II веке до н. э., а император Август законодательно закрепил невозможность свободного создания новых коллегий. Эту законодательную норму возобновляли многие последующие императоры. Разрешались лишь те гетерии, деятельность которых была открытой и на которых присутствовал кто-либо из официальных лиц.

Причиной настороженного отношения римской власти к новым религиозным коллегиям лежала еще и в природе римского государственного сознания. Рим — по крайней мере, формально — был «*res publica*», «дело народа». Народ — плоть государства — понимался как одна большая коллегия. Образование на государственном поле неких «складок», где часть граждан смогла бы реализовать свои частные интересы, рассматривалось как смертельная опасность для общественного строя. Христианство в глазах римлян было именно такой «складкой».

Аргумент апологетов христианства, что оно возникло не на пустом месте, что в основании его лежал иудаизм, не срабатывал. Во-первых, во время правления императоров Тиберия и Клавдия римское государство рассорилось с иудеями. Следуя принципу «разделяй и властвуй», римляне сделали на Востоке ставку на греков. Иудеи вытеснялись из торгово-промышленной сферы, в Александрии, Антиохии начались открытые столкновения греческих и иудейских общин. Среди римлян стали распространяться представления, о том, что иудейская религия — клубок суеверных и диких

верований. Апофеозом этой «ссоры» стала Иудейская война (66—70) и два больших антиримских восстания в первой половине II века. Иудаизм окончательно замкнулся в рамках национальной религии, отрицавшей все иные формы культа, что вызывало дополнительное раздражение со стороны римлян.

Во-вторых, иудеи, несмотря на все непонимание их религии римлянами, тем не менее принадлежали к древней традиции. С точки зрения властей это давало иудеям хоть какое-то право на существование. Христианство же, выйдя из лона иудаизма, решительно порвало с культовой, обрядовой и организационной стороной своего «родителя».

Универсализм христианства противоречил римскому имперскому универсализму. Государственное единство языческой империи базировалось на неизменности религиозного и общественного уклада жизни входивших в государство народов. Главным, что должно было подчеркивать единство Рима, являлся культ божественного императора. Правителю поклонялись как полноправному представителю Небес на земле. Некоторые из языческих императоров называли себя богочеловеком. В самых разных регионах империи создавались храмы, посвященные государям. Коллегии, имевшие целью почитание императора, были единственными, к которым центральные власти относились без подозрения.

И хотя культ императора не был религиозным в современном понимании слова «религия», а сами государи в представлениях римлян становились настоящими богами лишь после смерти, он полностью соответствовал государственно-правовому сознанию Рима.

Политическая и правовая жизнь в представлении древних римлян была напрямую связана с их религиозными представлениями. Все основные политические решения должны были иметь божественную санкцию в виде знамений, юридическое делопроизводство также включало в себя религиозные формулы и нормы.

Государство, следовательно, являлось одной из форм проявления божественной силы и требовало благочестивого отношения

к себе. Тем более почтения достоин был принцепс — первое лицо Рима. Когда христиане отказывались поклоняться ему, с точки зрения властей это было актом гражданского неповиновения и, одновременно, религиозным преступлением. Строя космополитическую общину, христианство объективно входило в противоречие не только с базовыми установками римского сознания, но и с принципами, на которых строилась языческая империя.

Это стало главной причиной, почему даже во время правления просвещенных императоров из династии Антонинов христианские общины подвергались гонениям, а прозелитизм автоматически приводил к обвинению в заговоре против римского народа и смертной казни. Переписка Плиния Младшего с императором Траяном показывает, что главной причиной для наказания христиан являлось отрицание юридического и духовного авторитета римского государства. Плиний, правитель малоазийских провинций Вифиния и Понт, пишет в 110 году Траяну: «Я спрашивал их, христиане ли они? Сознавшихся я допрашивал второй и третий раз, угрожая казнью; упорствующих я велел вести на казнь. Ибо я не сомневался, что, каков бы ни был характер того, в чем они признавались, во всяком случае упорство и непреклонное упрямство должны быть наказаны»¹.

Не добавлял взаимного доверия и тот факт, что Христос был казнен по приказу римской власти и казнен как преступник. Когда Плиний, рассказав о результатах своего расследования по поводу христианских обычаев и таинств, говорит: «Я не обнаружил ничего, кроме низкого, грубого суеверия», он имеет в виду именно данный факт. Христиане, по мнению римских властей, не просто отрицают традиционных богов, они считают единственным Богом преступника.

Христианство было обречено существовать в конфликтной

¹ Фрагмент приводится по изданию: А. Б. Ранович. Античные критики христианства. М.: Государственное антирелигиозное издательство, 1935.